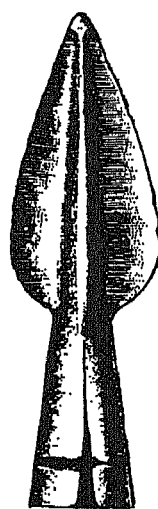

ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ
НАЦІОНАЛЬНОЇ АКАДЕМІЇ НАУК УКРАЇНИ

Сучасні проблеми археології

КИЇВ—2002

**Сучасні проблеми археології / Збірка наукових праць.—
К., 2002.— 260 с.**

Збірку присвячено пам'яті видатного археолога другої половини ХХ ст. Володимира Федоровича Генінга. Тематика відображає широту інтересів вченого — від палеоліту до середньовіччя, а також напрями його діяльності — теорія й методика археологічних досліджень, реконструкція історичного процесу.

Для археологів, істориків, студентів та аспірантів гуманітарних факультетів і всіх, хто цікавиться історією Євразійських просторів.

Наукове видання

Затверджено до друку Вченою радою
Інституту археології НАН України

Рецензенти: д. і. н. *МУРЗІН В. Ю.*
д. і. н. *ІВАКІН Г. Ю.*

**Книга видана за фінансової підтримки
Міжнародного благодійного фонду «Скарби Русі—України»**

Редакційна колегія:
чл.-кор. НАНУ *Крижицький С. Д.* (відповідальний редактор),
к. і. н. *Пачкова С. П.*, к. і. н. *Бунятян К. П.*, к. і. н. *Абашина Н. С.*

ции (Istvbnovits, 1993). Автор разделила их на два культурно-хронологических периода. К раннему, продатированному кон. IV в., относятся ингумации сарматского происхождения. Поздний период могильника представлен шестью ингумациями западной ориентации, некоторые имеют заплечики и подмазку дна зеленой глиной; инвентаря мало (фибулы, украшения). Мы полностью согласны с автором в том, что такое сочетание признаков погребального обряда известно только в ЧК. Добавим, что оно характерно для причерноморской группы и связано с «позднескифским» этносом. Др. Э. Иштванович датирует поздний период могильника Тисадоб перв. тр. 5 в. По нашему мнению, эти погребения совершены несколько позже, после перенесения Аттилой ставки в 433 г. из Причерноморья на Средний Дунай. Вместе с гуннами сюда же переселяются их союзники — остготы вместе с «поздними скифами». Но в 455 г. часть бассейна Тисы и левого берега Дуная захватывают гепиды, которые пришли с территории вельбарской культуры (Магомедов, 2001). После этого остготы с разрешения восточноримского императора занимают Паннонию на правобережье Дуная (Kiss 1979). С ними связывают, в частности, могильник Фенекпуста на оз. Балатон, датированный в пределах 456 и 470-х гг. (Эрдели, 1982). Почти все погребения имели тут западную ориентацию, немногочисленный инвентарь представлен деталями одежды, украшениями и гребнями. Выделить могилы поздних скифов на этом некрополе вряд ли возможно вследствие далеко зашедшей межэтнической интеграции погребального обряда.

Макаров А. Д. (Ижевск)

О ЗНАЧЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ДРЕВНЕРУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ПРИКАМЬЯ

Письменные источники чаще всего содержат сведения о достаточно поздней миграции выходцев с Древней Руси. Исключения редки и в основном относятся к возникновению отдельных крепостей и городов (напр., Гledenq в 1178 г. или Ниж. Новгорода в 1221 г.). И все же возможности письменных источников не исчерпаны. Археологические данные нередко дают возможность определить степень их достоверности. А сочетание письменных и вещественных фактов (как и использование данных других наук) позволяет реконструировать миграции древнерусского населения в Прикамье.

Но не все древнерусские находки свидетельствуют о проживании выходцев из Древней Руси в месте их обнаружения. Значительная доля этих предметов являлась импортом. В первую очередь, это относится к подавляющей части украшений, вооружению, орудиям труда, предметам быта, денежным слиткам и монетам. Конечно, они могли попасть в Прикамье и вместе с их носителями, но доказать это сложно. Исключением являются культовые подвески, женские украшения и, особенно керамика. Рассмотрим отдельные регионы.

Нижнее Прикамье. Арабские авторы сообщают о купцах и воинах из славян и русов, их торговых факториях на Волге и Каме. Русские летописи не раз повествуют о военной конфронтации между Русью и Волжской Болгарией, торговых отношениях между ними. Раскопки подтверждают эти сведения. Выявлены славяно-финно-скандинавские материалы: Балымерский курганный могильник и отдельные поселенческие находки «русов», русские жилища и вещевые комплексы в городах Волжской Болгарии, полиэтнические торгово-ремесленные поселения X—XV вв. Сведения «Казанского летопис-

ца» (втор. пол. XVI в.) о бегстве «ростовской черни», спасавшейся от крещения в «болгарских жилищах», подтверждают славяно-финские находки XI—XIV вв. на поселениях, погребения Котловского могильника.

Средняя Вятка. Наиболее ранние даты заселения русскими региона (кон. XII—нач. XIII в.) содержит местная «Повесть о стране Вятской» (кон. XVII в.). Но гораздо более поздние датировки русских летописей (начиная с 1374 г.) породили недоверие к этому источнику. Многолетний спор историков разрешается археологами. Дата появления русских поселенцев здесь (кон. XII—нач. XIII в.) подтверждена находками вещей и керамики домонгольского времени как в упомянутых «Повестях» первых русских городах (Никулицын, Котельнич, Хлынов), так и на памятниках, выявленных археологически. В этих же городах, основанных (по «Повести») на месте аборигенных крепостей, обнаружены дорусские сооружения и находки кон. I—нач. II тыс. — следы этих крепостей. В «Повести» упоминаются древнейшие оборонительные укрепления Хлынова в виде жилых срубов, поставленных «задними стенами ко рву». Остатки, очевидно, такой постройки зафиксированы автором в 1983 г. под остатками внутривальных городней, считавшихся до этого изначальным видом крепостных сооружений. В посланиях московских митрополитов на Вятку (втор. пол. XV в.) звучат нелицеприятные обвинения в адрес вятчан, которых упрекали в активных связях с местными язычниками. Раскопки подтвердили не просто наличие таких связей, но и их интенсивность, отразившуюся в находках этнически неоднородной керамики и финских украшений, элементах погребального обряда, смешанном антропологическом типе населения.

Верхнее Прикамье. Летописи содержат сведения о его более-менее массовом заселении русскими в XV—нач. XVI в. Сообщение Вычегодско-Вымской летописи под 1451 г. о направлении Василием II «от роду верейских князей... Михаила Ермолича... на Великая Пермь на Чердыню» [1, 261] — первое упоминание столичного города Перми Великой и свидетельствует о закреплении ее за Московским Великим княжеством, хотя, по сути, здесь складывается вполне самостоятельный удел. Неспроста в 1472 г. сюда был направлен карательный отряд князя Федора Пестрого, взявший пять городов Перми Великой. Два из них — Чердынь и Искор — частично исследованы, три других — Урос, Покча, Анфаловский — соотносятся с разными поселениями, на которых обнаружены и русские вещи кон. XIV—XV в. Что касается Чердыни, то раскопки В. А. Шмырова (1972) и В. А. Оборина (1984) выявили характер оборонительных укреплений, постройки с находками XV—XVIII вв. Но часть керамики относится к XIV—XV вв., что позволяет отнести возникновение города ко времени не позднее XIV в. Раскопки на Искоре (В. А. Оборин, 1975, 1976, 1980) показали, что уже в перв. пол. XV в., несмотря на относительно небольшую площадь (0,6 га), он имел характер городского поселения. Сведения В. Н. Берха о возникновении Соликамска около 1430 г. пока не подтвердились: древнейшие находки (В. А. Оборин, 1977, 1978, 1991) датируются временем не ранее втор. пол. XVI в., хотя даже в достоверных летописях город впервые упоминается под 1506 г. Известно, что Верхнее Прикамье фигурирует в русских летописях и в более раннее время (1220, 1323), что свидетельствует о знакомстве русских с этой территорией. Вероятность проникновения их в это время подтверждается находками славянской керамики на ряде родановских городищ (Анюшкар, Роданово, Красная Горка, Урольское, Эсперово).

Другие регионы Прикамья в письменных источниках не упоминаются вплоть до XVI—XVIII вв. И лишь археологические данные позволяют установить время проникновения сюда русских. В бассейне Чепцы они появляются в домонгольское время [2, 156—170], на Сылве — в XIII—XIV вв. [4], в Среднем Прикамье — в это же время, в бассейне р. Уфы — в XIV—XV вв. (работы А. И. Лебедева в 1982—1986 гг.).

1. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сб. — Сыктывкар, 1958. — Вып. 4. — С. 257—271.

2. Иванов А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья: конец V — первая половина XIII в.— Ижевск, 1997.— 309 с.

3. Макаров Л. Д., Пастушенко И. Ю., Салангин Д. А. О времени появления русских в бассейне Средней Сылвы // Историко-культурное наследие городов и заводских поселений Урала.— Пермь, 1995.— С. 5—18.

4. Полубояринова М. Д. Русь и Волжская Болгария X—XV вв.— М., 1993.— 123 с.

Максимов Є. В. (Київ)

ДАВНІ ЕТНОСИ В КОНТЕКСТІ СИНХРОННИХ АРХЕОЛОГІЧНИХ КУЛЬТУР

Визначення етнічної приналежності давніх племен і народів часто є неможливим у зв'язку з відсутністю даних про їх мову. Такі відомості містяться в писемних пам'ятках, проте писемність була прерогативою лише кількох давніх цивілізацій — Єгипту, Месопотамії, Індії та Китаю, а в Європі з'явилася порівняно пізно.

Для вирішення етнічної проблеми європейського регіону дослідники почали залучати археологічні матеріали. Саме вони — знаряддя праці, кераміка, зброя, будівельна справа, поховальний обряд та інші, які визначають археологічну культуру, всебічно характеризують давні етноси в їх етнографічних особливостях.

Послідовна зміна археологічних культур являє собою важливий історичний аргумент, який відбиває хід етнічного процесу, зміни населення певного регіону, що сталися в результаті етнічних міграцій, асиміляцій або трансформацій, які з 2 тис. до н. е. зафіксовані у писемних джерелах для південних регіонів Європи та Близького Сходу. Тим самим своє підтвердження отримала гіпотеза про взаємозв'язок давніх етносів і їхніх археологічних культур.

В різні історичні періоди цей взаємозв'язок набував різних форм, а тому і сама проблема набувала різних інтерпретацій. Спочатку дослідники, переважно археологи, вважали, що кожна археологічна культура репрезентує певний конкретний етнос, наприклад, скіфська культура створена іранцями, черняхівська — слов'янами, милоградська — балтами тощо. Такої думки дотримувалися видатні археологи 60—80 рр. 20 ст. П. М. Третьяков, Б. О. Рибаків, О. І. Тереножкін та ін. Проте інші дослідники, головним чином мовознавці — Ф. П. Філін, Б. В. Горнунг, наприклад, рішуче заперечували будь-яку можливість визначення етносу будь-якого регіону на підставі археологічної культури. Тут єдиним авторитетним аргументом, на їх думку, могли бути лише лінгвістичні матеріали.

Втім, з часом, по мірі накопичення фактів, особливо мовознавчих, серед яких вагоме місце зайняли дані про походження і поширення назв річок — гідронімів, зібрані В. М. Топоровим та О. М. Трубаховим в регіоні Південно-Східної Європи, стало зрозумілим існування залежності між археологічною культурою і етносом, що відбивала конкретну історичну ситуацію.

З'ясувалося, що деякі археологічні культури залишаються одноманітними протягом тривалого часу, поступово змінюючись у залежності від змін самого соціуму. Такою є трипільська культура кін. 4 — поч. 2 тис. до н. е. В період стабілізації, який тривав майже 1000 років, ця культура залишалася незмінною на всьому великому просторі від Молдови до Дніпровського Лівобережжя, де відомі її пам'ятки. Ясно, що така одноманітна і стійка культура відбивала в кераміці, житлобудівництві, влаштуванні поселень, мистецтві, релігійних уявленнях етнографічні особливості одного і того ж етносу, очевидно, палеоевропейського типу, який існував тут іще до виникнення в цьому регіоні ядра індоєвропейської мовно-культурної єдності.